

УДК 378.11
ББК 74.484к2

ГСНТИ 02.15.51

Код ВАК 09.00.01, 09.00.13

Сигнаевская Ольга Романовна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Институт кадрового развития и менеджмента, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; e-mail: signaevskaya2011@yandex.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ГУМАНИТАРНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеология; государственное управление; гуманитарность; глобализация; реформа образования; высшая школа; гуманитарные технологии; «новое мышление».

АННОТАЦИЯ. На фоне глобализационных процессов образованием и воспитанием решается участь нации. В статье поднимается актуальный вопрос российского образования и принципов государственного управления этим процессом. А какие, собственно, идеологические основания эта реформа должна иметь? Каков ее ценностный вектор? Либерализм, демократия, прочная государственность? Как связана сегодня политика с образованием, русским языком, в чем суть идеологии «нового планетарного мышления». Автор, акцентируя внимание на «образе мыслей» и системе смыслов, свойственных российской ментальности, приглашает педагогическое сообщество к открытой гуманитарной дискуссии.

Signaevskaya Olga Romanovna,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Department of Philosophy, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

IDEOLOGIC LANDMARKS OF HUMANITARIAN APPROACH TO RUSSIAN EDUCATION

KEY WORDS: ideology; governance; humanitarian approach; globalization; educational reform; high school; humanitarian technology; "new thinking".

ABSTRACT. The destiny of the nation is shaped against the background of globalization processes in education and upbringing. The article raises the most urgent question of a reform in Russian educational system and governance. But what ideology should this reform be based on? What is its axiological orientation: liberalism, democracy, or strong state? How is the policy of today connected with education and the Russian language, what is the essence of the ideology of "new planetary thinking", etc.? Focusing on the "mode of thought" and the system of meaning typical of the Russian mentality, the author invites pedagogical community to participate in an open humanitarian debate.

В настоящее время процессы модернизации российского общества сопровождаются глубокими изменениями в сферах управления и образования. Ситуация в гуманитарном секторе образования школ и вузов равнозначна национальной катастрофе, чревата сломом механизмов исторической преемственности и прерыванием самой национальной культурной традиции.

Гуманитарность – это «фундаментальное ядро» современного управления и образования. Например, в английском языке отсутствует понятие «гуманитарные науки». Вместо него используется понятие «humanities» – широкая сфера проявлений человеческого духовного опыта. Для результатов этой деятельности характерны уникальность, неповторимо личностный характер, оценочность, эмоциональная окрашенность. В этом случае можно говорить не столько о знании и познании, сколько о смыслопорождении и осмыслении (понимании) в контексте глубинного ментального архетипа (7). В общепедагогическом контексте феномен гуманитарности как «человеческого в человеке» достаточно сложно

определить без анализа философского самосознания постантропологической эпохи. Современная постфилософия, пресыщенная любомудрием античности, боголюбием средневековья, позитивистской наукой XX столетия, отвергает метаидеи и пестрит симулякрами. Возникшая гуманитарная пауза, оттягивающая прояснение антропологической неопределенности, заполняется играми удовольствия, потребления, игровой коммуникации, отменяющими ценности «откровения», «героя», «служения», то есть того, что имел в виду Сократ, ходивший по многолюдной площади Афин с фонарем и кричавший: «Ищу Человека!». Ф. Эджворт в XX веке отметил, что человек остается машиной для получения удовольствий, но набирает обороты и ширит аппетиты. Факт – экономика все плотнее обволакивает этику, деньги становятся моральным эквивалентом.

Современный человек, как правило, только имитирует синтетические образы, создаваемые сетью, кинематографом, медиа-, PR-кампаниями, так внутренняя, глубинная интериоризация, вычитывание и распознавание смыслов проходит только по

ризоме. И хотя «медийные лица» имеют мало общего с их реальными прототипами, но «медийность в лице» – и есть сегодняшняя жизненная ценность, оттесняющая на периферию прочие «человеческие качества». Синтетический человек играет роль генератора интересов, ценностей, типов, так как технологии кастинга, тендера, приложений превращают человека в механизм, отвечающий именно этим нуждам и запросам. Никогда прежде человек синтетический не был так близок человеку реальному (критико-рефлексивная дистанция) и никогда технологии формирования личности не были столь тотальными и всепроникающими.

Если полем гуманитарных технологий считать контроль над движением идей (как образцов поведения) и мотивациями людей, то гуманитарность разных эпох и культур предстанет многообразием методов и схем этого контроля. Технологии шаманизма, конфуцианства или марксизма различаются не только между собой, но и внутри себя в зависимости от эпохи и среды. Принципиально изменились и поведенческие стратегии «культуртрегеров» – генераторов и распространителей гуманитарных ценностей. Вчерашний культуртрегер выглядел рыцарем идеи, сегодняшний культур-менеджер больше напоминает участника торгов. Борьба правд сменилась конкуренцией проектов. Статичная идеология уступила первенство мобильному проекту. Современности свойственна встречаемость трендов глобализации и локализации, модернизационная однополярность и цивилизационная многополярность, монокультурность и мультикультурность. Постмодерн и сам себя позиционирует так, что в его пространстве одинаково удобно быть и его поборником, и его противником.

В России за истекшие четверть века гуманитарные ориентиры поменялись несколько раз – от коммунизма до консюмеризма и от эскапизма до сетевой зависимости. В условиях реальной информационной войны образовательное пространство, его идеологические основания становятся фокусирующим геополитическим ресурсом (7). Национальное достоинство России формировалось в непростой судьбе русского народа. Российская гуманитарность – это скорее определенный образ мыслей, чем знание исторических фактов или базовых гуманитарных предметов с определенными комментариями и текстовыми наполнениями в своих интеграционных вариациях. Россия – это целый континент, и миссия нашего народа состоит в удержании всего остального мира от нравственного распада и крушения (6).

В мире постантропологического формата есть и ясно проявившаяся альтернатива образу евангельского мышления – образ мыслей «Новое мышление», то есть глобальный цивилизационный проект «Новый мировой порядок», который опирается на колоссальные военные, технологические, финансовые, информационные и организационные ресурсы. Именно поэтому он обеспечен большим количеством культуртрегеров, в том числе и в гуманитарных науках. Либерализмом даже с натяжкой это трудно назвать, скорее анонимная диктатура, так как главное условие приобщения к сему интеллектуальному богатству – отказ от христианства, особенно от православия как общепринятой системы ценностей человеческой цивилизации.

Формируется определенная социальная, научная и политическая элита, в сознании которой человеческое счастье трактуется как победа над ближним, как поражение своих соперников, конкурент – враг. А способность идти до конца в «своем эгоистическом безумии» – сила духа, а не обычная одержимость, сопоставимая с психическими и социальными аномалиями и патологиями. Люди с таким мышлением уповают на материальные ценности, и им кажется, что чем большим количеством этих ценностей они владеют (любым способом – «цель оправдывает средство» или «ничего личного – это политика или бизнес, или просто борьба как игра»), тем в большей степени возвышаются над другими людьми. Они видят источник своего процветания в нищете других, возвышаются и самоутверждаются в оскорблении и унижении других. Вот такие культуртрегеры сегодня в фаворе. На фоне национальной катастрофы представления о добре и зле, общественном благе будут переосмыслены. Будет другой железный порядок, и перестройка сознания идет эффективно в сторону окончательного демонтажа института национального государства.

Мягко внедряется система «гендерного фашизма» посредством ювенальных технологий изъятия детей у биологических родителей, умаления их авторитета в глазах ребенка, легализации и общественного поощрения однополых браков и прочих сексуальных «особенностей». Возможно, для того чтобы покончить с семьей в ее нынешнем виде, слова «мать», «отец», «мужчина», «женщина» – попадут под запрет, так как само их употребление станет нарушением норм толерантности. Анализируя тенденции, заложенные в «новом мышлении», социологи убеждены, что человечество ждет новый виток урбанизации, связанный с сильной концентрацией населения в мегаполисах (4). Последние будут все больше и

больше напоминать колоссальные инкубаторы, выезд из которых будет затруднен. Многомиллионное поселение, лишенное культуры, традиций, сакральной географии, являет собой механическое смешение народов и социальных групп. Миллионы незнакомых между собой, но живущих друг у друга на головах людей образуют колоссальное гетто, находящееся на внешней подпитке. «Новое мышление» предопределяет построение информационного общества, которое предполагает не только и не столько «широкий информационный сервис для простого потребителя», сколько тотальную манипуляцию сознанием людей при помощи направленного информационного воздействия посредством высоких психотехник и цифровых технологий. Всеобщая чипизация (сегодня многие промышленные корпорации предлагают своим служащим идентификационные браслеты) позволит определить место нахождения объекта. Таким образом, общество помещается в некий «информационный кокон», выход за пределы которого будет приравниваться к ереси или сумасшествию. Мировой тренд – воспитать из русского школьника «идеального потребителя». Новым «планетарным мышлением» прогнозируются и зоны беспорядка, территории хаоса, анклавов социального безумия как геополитическая терапия, направленная на принуждение «упрямцев». Чем разрушительнее будет хаос, тем охотнее народы пойдут в пасть к Левиафану.

Достаточно обратить внимание на то, как меняется русский язык. Русский язык – это русский народ. Язык – это наша картина мира: наши мысли, наше поведение, то, как мы ведем себя в самые тяжелые или прекрасные минуты жизни. Мы народ, потому что у нас одна языковая картина мира, один и тот же архетип поведения. В народе можно уничтожить все: извести его культуру, привести его к общемировому знаменателю, европейскому или американскому, переписать историю (например, где Сергей Радонежский – мифический персонаж, а вера – политический опиум и т. д.), но пока народ говорит на своем языке, он не перестает оставаться единым, с общим строем мысли и психологии. Естественными науками давно доказано, что человеческий мозг имеет голографическую память, в которой уже при рождении человека существуют определенные схемы, пространственные, ментальные образы, которые заданы от зачатия.

В условиях геополитической конкуренции наш национальный взгляд на мир, языковую картину пытаются постоянно замутить, исказить, внушая нам, что мы не такие, какие есть на самом деле. Это мифы о русском народе, которые так активно экс-

плуатируют и идеологически, и политически конструируют. Это мифы о русской лени, о русской слабости, женственности русского характера, мифы о русском анархизме – несклонности к порядку русского человека. Это суггестия – внушенная позиция с вполне конкретными источниками. Абсурд, но подобные тональности можно встретить и в российских учебниках по философии в теме, например, «Русская философия серебряного века». Это не вольнодумство и научная объективность, а очевидная неправда и оскорбительная национальная провокация.

С идеологической точки зрения, особенно внушается миф о русском анархизме, неумении и нежелании русских управлять собой. В доказательство приводят «Повесть временных лет» летописца Нестора: «Воззвали к варягам: придите править и владеть нами, земля наша великая и обильная, а порядка в ней нет» (9). И с тех пор владеть за владетелем, князь за князем были все пришлые, чужаки, и все командовали русским народом. Этот миф, имеющий довольно глубокие корни, исходит от немцев. Огромное количество немцев действительно находилось у кормила власти в Российской империи. И именно тогда была заложена идеология, что немцы – организованный, методичный народ, который прекрасно просчитывает каждый шаг на пути к цели, а русские – это стадо, которое надо только гнать к указанной каким-то правителем цели. С геополитической платформы это очень выгодная суггестия, но она далеко не выгодна для русского народа. Те же летописи пишут, что русский народ – не народ «без руля и без ветрил» – русский человек не носится как щепка в море житейском бессмысленно и бесцельно. Мы рассчитываем и знаем свои пути, но у нас есть пословица: «Человек предполагает, а Бог располагает» – Промысел. Русский человек – более зрелый в своих рационалистических установках, так как он понимает, что любой случай может перечеркнуть любые его планы, и поэтому, идя к цели (а к цели русские идут обязательно), он всегда помнит о Промысле Божиим. Цель оправдывает средство – не для евангельского образа мысли, так русский человек живет по совести и в любую минуту готов предстать перед ее судом – «живи так, как будто завтра умрешь, а учись так, как будто жизнь бесконечна».

Достаточно отметить, что и вся культура советского периода, все советское искусство пусть в рамках атеистического мировоззрения и идеологии марксизма-ленинизма, ясно высвечивает именно «евангельский образ мысли». Деятели культуры не забывали стыд и предназначение любого вида искус-

ства. Эта генетическая память советского народа хранила христианскую традицию, и она звучала интеллектуально мощно и искренне, пусть несколько в усеченном виде. Вся реальная русская история – подтверждение этого «кодекса любви». Посмотрите, каких целей, несмотря на мировые провокации, добился русский народ за последнюю тысячу лет своей истории!

В постантропологическую эпоху важно открыто ставить вопрос и об инновациях в гуманитарных технологиях. Во времена Я. А. Коменского основной целью было научить читать и понимать библейскую литературу. В начале XX века наметилась тенденция на кардинальную смену целей образования, вызванная социокультурной ситуацией – кризисом естественнонаучного знания, интеллектуальным усложнением репертуаров деятельности человека. Трансляционные гуманитарные технологии управления и образования, таким образом, постепенно сменяются на более сложные мыследеятельностные. Это технология принятия решений и их рефлексия, это конфликт идей и разрешение конфликта, это осознанное планирование деятельности и ее осуществление, это аналитика и рефлексия деятельности и мышления, это осознание самого себя как деятеля и как личности, индивидуальности. Любые технологии имеют в своей основе ценностный фундамент, и российской гуманитарной науке пора серьезно его отрефлексировать. Заимствовать все лучшее (технологичность, инновационность, универсальность, эффективность, некую аналитичность), но интегрировать и ассимилировать в свое – это задача № 1 для философской основы гуманитарных технологий в пространстве современного управления и образования.

Очевидно, что сам принцип непрерывности гуманитарного образования, нацеленного на формирование значимых общекультурных и социально-личностных компетенций в ходе модернизации образования должен обрести новый импульс как по содержанию, так и по форме. Университетское образование априори предполагает глубокую и широкую социально-гуманитарную подготовку (культуру), в первую очередь в рамках своего российского культурного наследия. Иначе, как отмечал Н. Данилевский, вся возжеленная нами межкультурная коммуникация будет «пустым обезьянничеством» (3). Нельзя выйти на мировой уровень, игнорируя ценностный подход к системе собственного образования. Невозможно построить новую высокотехнологическую цивилизацию на основе примитивной духовной культуры и космо-

политических ценностях. Субъектам высших эшелонов власти, в особенности в социальной и образовательной сфере, необходимо иметь широкое и адекватное представление о реальности глобализационных процессов, их философском и ценностно-смысловом векторе, а также в перспективе, а не только в контексте текущей ситуации осмыслять последствия принимаемых решений. Молодежь, подрастающее поколение – мишень № 1 в тех глобализационных войнах, свидетелями которых мы являемся, и в первую очередь – информационных.

Абстрактная идея космополитически объединенного человечества в современном мире не выдерживает конкуренции перед натиском идеи национального человечества, парцеллизации человечества по культурно-историческим типам. Каждая национальная культура по-своему связывает в единое целое общечеловеческие ценности добра, красоты, истины, справедливости, свободы. Для российского образования такими ориентирами гуманитарности должна и может выступать наша культурная ментальность в своей особой соборности и человеколюбии. Современная идеология российского образования «должна соответствовать своей культурной традиции и выражать свои национальные интересы» (1, с. 164).

Следовательно, гуманитарные науки в России должны и могут опираться на систему смыслов и ценностей, свойственных нашей культуре и традиции. Гуманитарного образования без идеологического контекста не бывает, так как большой вопрос, какую точку зрения считать общепринятой и для кого принятой. Российское образовательное пространство должно быть наполнено нашей историей, нашей культурой, нашими героями. В этом случае будет и международная полноценная образовательная коммуникация. В принципах государственного управления Россией должна четко оформиться новая парадигма, соответствующая новым информационным и геополитическим реалиям. Глубинный архетип российской ментальности – это Византийское наследие и «образ мыслей» и «действий», отличный от западных образцов прагматизма. Даже в своей светской интерпретации это скорее «евангельское отношение» к миру, к себе, к другому человеку и, конечно, к своей Родине – России. Таким образом, каким будет наше будущее, будущее государства, народа, сегодня во многом определяется и проектируется теми идеологическими ориентирами гуманитарности, которые осуществляются в российском образовании и управлении.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Беляева Л. А. Идеология современного Российского образования // Философия в современном мире: диалог мировоззрений : мат-лы VI Рос. Филос. конгресса. В 3 томах. Т. 2. Н. Новгород : Нижегород. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2012.
2. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008.
3. Данилевский Н. Европа ли Россия? М., 2008.
4. Климент Александрийский. Педагог // Антология педагогической мысли христианского средневековья. М., 1994. Т. 2.
5. Козин Н. Г. Россия. Что это? В поисках идентификационных сущностей. М., 2012.
6. Розанов В. В. Уединенное. М., 2006.
7. Сигнаевская О. Р. Культурно-антропологические смыслы политического и образовательного пространств в XXI веке : монография. Екатеринбург : УрГПУ, 2011.
8. Тульчинский Г. Л. Гуманитарность против гуманизма? // Гуманитарные проблемы современной психологии. Известия ТРТУ. № 7. С. 47-53.
9. Энциклопедия Русской Истории. М., 2013. Т. 1. С. 14-21.

Статью рекомендует д-р пед. наук, проф. М. Г. Синякова.